

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО МИФА

Мочалова К.П.

научный руководитель д-р филос. наук Грицков Ю.В.

Сибирский федеральный университет

В настоящее время проблема мифотворчества достаточно широко обсуждается исследователями различных областей гуманитарного знания – культурологами, социологами, лингвистами. Феномен мифологии часто освещается на страницах периодической печати, а подход к его изучению давно перешагнул рамки одной науки и стал междисциплинарным. Однако к настоящему моменту единое понимание данного явления все еще не выработалось: миф зачастую смешивается с такими понятиями, как архетип, стереотип, симулякр, а мифология отождествляется с идеологией, коллективным бессознательным. Каждый исследователь стремится дать свое определение мифа, которое будет претендовать на универсальность применения.

Тем не менее, мало кто отрицает, что в XX веке миф остается одним из важнейших феноменов массового сознания, а мифотворчество – одной из ключевых политических и социальных технологий. Почему же в современном высокотехнологичном, постиндустриальном обществе процветает такой, казалось бы, архаичный феномен, как миф?

Чтобы приблизиться к пониманию ответа на этот вопрос, обратимся к терминологии.

Изначально, в первобытных обществах миф представлялся описанием подлинных, реальных событий, и что еще важнее, событий сакральных, значительных, служащих образцом для подражания.

Современные ученые исследователи продолжают рассматривают миф с такой точки зрения. Согласно формулировке В. Полосина [3, 28], миф есть иносказательная история, трактуемая посредством символических образов, метафор и аналогий реальный, индуктивно обобщенный до архетипичности позитивный и негативный опыт реализации той или иной потребности общества.

Английский исследователь Кристофер Флад дает следующее определение политического мифа: идеологически маркированное повествование, претендующее на статус истинного представления о событиях прошлого, настоящего и прогнозируемого будущего и воспринятое социальной группой как верное в основных чертах [5, 43].

Таким образом, в рассмотренной перспективе современный миф представляется наследником архаического повествовательного мифа, эмоционально-окрашенной истории, претендующей на статус истины. Это несколько сужает сферу применения данного понятия, так как составными частями мифа может являться и визуальная, и аудиальная среда. Так, например, визуальными составляющими советского мифа было и засилье красного цвета, и архитектура сталинских высоток.

Стремительное развитие мифотворчества как политической технологии началось в XX веке. После окончания Первой мировой войны тоталитарные государства, установив контроль над СМИ, приступили к построению новых государственных мифологем, пронизанных эмоциональными, внерациональными компонентами. Как в Германии, так и в СССР был разработан комплекс особых символов и ритуалов, легших в основу мировосприятия простых граждан, создан мистический культ политических лидеров, власть которых основывалась не на рациональных программах, а на харизматическом убеждении масс в правильности выбранного курса.

Этот процесс вызвал обеспокоенность у западного мира, так как мифологемы СССР и Германии были иррациональными и шли вразрез с рациональными идеологиями западных стран XIX века, утверждавших главенство разума во всех областях человеческой жизни, в том числе и в политике.

При этом, по мнению исследователей-классиков, вера в иллюзии оказалась столь основательной не просто в силу природы человеческого сознания, а в силу столь постоянно меняющейся ситуации, в которой очутились массы. С точки зрения Э. Кассирера, обращение к мифу и магии характерно для ситуации, где обычные возможности людей и рациональный метод познания недостаточны для контроля над окружающим миром. Люди обращаются к мифам в периоды кризисов и острой социальной тревожности, как, например, в Германии после Первой мировой войны.

Следуя подобной логике, мифы XX века снимали тревожность людей, были психотерапевтическим средством в новых социальных условиях, в то время как у первобытных людей они снимали тревогу перед стихией, погодными феноменами, которые те не могли объяснить рационально. Соответственно, мифы архаические и современные в общем идентичны по целям. Однако этот подход не объясняет, почему мифы появляются в относительно стабильный период.

Однако не все исследователи определяют идеологию как рациональный феномен и противопоставляют мифологии. В своей работе «Мифологии» Ролан Барт отождествляет понятие идеологии и мифологии. Идеология, по его мнению, является современным мифом, который при этом существенно отличается от традиционного.

Традиционные мифы, как показал Клод Леви-Строс, имели целью создание логической модели для разрешения некоего противоречия, поэтому они требовали связного и организованного сюжетного построения. Мифы современные, полагает Барт, служат не разрешению, не изживанию противоречий, а их «натурализации», оправданию. Множественность современных мифологем, их бессистемность и бессюжетность делают невозможным их собственно художественное воплощение. Так, в качестве примера современного мифа Барт приводит мозг Эйнштейна, ставший объектом мифологизации во множестве карикатур, анекдотов, зарисовок, но так и не превратился в целостную историю.

Барт пишет о том, что современный миф дискретен: он высказывается не в больших повествовательных формах, а лишь в виде «дискурсов»; это не более чем набор фраз, стереотипов, миф как таковой исчезает, зато остается еще более коварное мифическое.

Таким образом, в современной политической практике не нужно конструировать целостный рассказ, историю, достаточно задать нужный дискурс, и миф будет конструироваться согласно данной установке.

О том факте, что современный миф дискретен и состоит из совокупности целостных коммуникативных событий, говорит и известный исследователь коммуникации Маршалл Маклюэн: «Миф представляет собой сжатие, или импловзивное свертывание всякого процесса, и сегодня мгновенная скорость электричества сообщает мифическое измерение даже самому простому промышленному и социальному действию. Мы живем мифически, но продолжаем мыслить фрагментарно и однобоко» [2, 31].

Кроме того, Маклюэн считает, что современный переход от печатных к электронным средствам коммуникации формирует новый тип восприятия реальности. Теперь познание мира происходит не линейно или фрагментарно, а одновременно. Человек оказывается включенным во все происходящее целостно, сознанию возвращается при этом утерянная ранее «мифологическая образность».

Таким образом, реальность, в которой мы существуем, мифологична, а

основным каналом формирования и распространения мифологии являются СМИ. При этом мифология зачастую воспринимается как негативный феномен, как манипулятивная техника. Однако и идеология, согласно определению К. Маркса, есть не что иное, как ложное сознание.

В современной России очень часто можно услышать утверждение, что идеологии в нашей стране не существует, и ее нужно придумать. Тем не менее, никто не станет отрицать, что мифология в России процветает на различных уровнях, причем официально государство в ее создании не участвует. Существующие мифологемы ведут к оправданию общественных противоречий, а не их разрешению. А так как мифы не собираются в целостную историю, обывателю их практически невозможно опознать и критически осмыслить, что делает манипуляционный потенциал современного мифа практически безграничным.

Список литературы

1. Барт, Р. Мифологии. – М.: Академический Проект, 2008. — 351 с.
2. Маклюэн, Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2011. – 464 с.
3. Полосин, В.С. Миф. Религия. Государство. – М.: Ладомир, 1999. – 440 с.
4. Фишман, Л.Г. Политический миф и идеология: «опасное сближение»? // Полис. – 2006. - № 4. – С. 74-86.
5. Флад, К. Политический миф. Теоретическое исследование. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 264 с.
6. Элиаде, М. Аспекты мифа. – М.: Академический Проект, 2010. – 251 с.